

3.4. Достоинство и ценность жизни российского гражданина

Существует огромный разрыв между глубиной стоящих перед российским обществом проблем и его готовностью их решать. Представляется, что подавляющая часть общества равнодушна ко всему, включая собственное самосохранение и воспроизводство, и выбрала для себя не путь осознания проблем и рациональной оценки ресурсов для выхода из ситуации, а путь социального эскапизма. Возможно, это связано с общим состоянием и социальным самочувствием общества, подавленным достоинством у одних поколений россиян и несформированным – у других. Идея соотнести понятия человеческого и гражданского достоинства и ценности человеческой жизни в России, по моему мнению, поможет осмыслить не только проблему цены реформ 1990-х годов и нынешнего политического порядка в стране, но и выявить одну из фундаментальных особенностей российской истории, политических институтов и лежащих в их основе принципов политической культуры и ментальности населения. Эта особенность когда-то была выражена поговоркой «Бабы еще нарожают!» Однако «бабы» рожают все меньше. Традиционное основание российского государства – пренебрежение жизнью каждого конкретного россиянина, низкая ее ценность в глазах правящих классов и самого индивида (общества), продолжает определять базовые взаимоотношения между государством и гражданином.

Конструкция демократического правового государства строится на идее внутренне присущего человеку достоинства. Такое государство, как сообщество суверенных граждан, объединенных общими законами, есть результат сотрудничества индивидов, сформировавших себя в суверенных личностей, а потому несет ответственность перед каждым из них. Достоинство человека (human dignity) – как способности формулировать ценность цели, связанной с наличием у человека разума и свободы воли, безусловно и абсолютно, это предел вмешательства в его жизнь, образец отношения к нему. На этой способности человека основываются законы и вся система права. Отсюда следует самоидентичность человека, позволяющая говорить о статусе прав человека в обществе. Базовое целеполагание, провозглашение прав человека, действий и состояний абсолютными (право на жизнь и др.) – есть утверждение равноценности индивида в отношениях с государством и другими людьми. Принцип достоинства человека перерос в принцип достоинства гражданина. Гражданское достоинство, лежащее в основе конституционализма, – это «способность индивида воздействовать на условия своего существования через общественные институты, самоуправление, собственность, прессу, суды – все то, что

гарантирует право на права», способность и возможность человека пользоваться своими правами [Хованская 2001: 56]. Возможность пользоваться правами зависит от степени невмешательства государства в жизнь гражданина, от реализации права на личную неприкосновенность и частую жизнь, от системы политических и правовых институтов, обеспечивающих реализацию прав человека и гражданина.

Наличие ценности гражданского и личного достоинства (как способности пользоваться правами) в политической культуре большей части населения – необходимость для установления отношений социального доверия в обществе, выработки ценностных оснований консолидации людей в единую нацию, осуществления правового режима функционирования гражданского общества, становления конституционализма и демократического правового государства. Для ощущения достоинства массой людей необходимы институциональные условия, связанные с социальным и политическим признанием вклада каждого в «общее дело» – высокий моральный, правовой и политический статус личности в государстве. Конституционный статус гражданина является высшим признанием достоинства человека, он связан с признанием каждого личностью, обладающей свободой воли (самосознанием, рефлексией, способностью к самоуправлению), равной с другими в свободе перед законом, а также политической и правовой свободой. Это и признание каждого другого в государстве в качестве «субъекта законодательствующей воли» (И. Кант), способного участвовать в принятии политических решений и управлении государством. Достоинство гражданина основано также на осознании личностью единства собственных прав и обязанностей, на уверенности в правомерности собственных притязаний на законные права и свободы в силу личной законопослушности и ответственности в исполнении обязанностей перед другими гражданами и государством.

Многие люди интуитивно чувствуют отсутствие в России публично-го признания государством достоинства и самоценности каждого человека. Но как операционализировать морально-правовые категории достоинства человека и гражданина? Конкретные аспекты анализа этих понятий мы связываем с рассмотрением понятий ценности и цены жизни и деятельности гражданина в политологическом, юридическом, экономическом и других планах. Необходима выработка комплекса экономических показателей стоимостного выражения тех или иных прав гражданина и обязанностей, выполняемых им для государства, и стоимости обязанностей (ответственности) органов государства и должностных лиц перед гражданином, а также адекватных компенсаций в случае гибели или ущерба здоровью гражданина, полученных во время выполнения гражданских обя-

занностей. Если гражданина рассматривать в качестве «рабочей силы» для государства, а гражданство – в качестве товара, услуг государства, покупаемых гражданином посредством уплаты налогов, и государством у гражданина посредством обеспечения политического и правового порядка и оказания управленческих, правоохранительных, медицинских, образовательных и иных услуг, то возможно построить экономическую модель стоимости услуг обеих сторон взаимодействия – гражданина и органов государства (должностных лиц). С помощью понятия цены человеческой жизни можно протестировать все подсистемы российского государства: политическую систему – на предмет реализации конституционных и, прежде всего, политических прав граждан, на степень участия гражданина в функционировании государства; правовую систему – на предмет нацеленности работы ее структур на правовое обеспечение статуса гражданина, уровень защиты жизни, свободы, достоинства и прав человека и гражданина; экономическую систему – на возможности осуществления гражданином экономических свобод и т.д. Конкретная цена человеческой жизни и деятельности оказывается в этом случае результатом функционирования всех институтов общества и государства.

Возможности, предоставляемые государством, степень реализации прав гражданина составляют институциональные основы его достоинства¹⁶. У россиян массово нарушаются и права человека, и права гражданина – и частногражданские, и публичные. Политическая и правовая система российского государства обладает иной направленностью, нежели осуществление прав граждан. Об отсутствии признания российским государством достоинства в россиянах, о низкой ценности и цене их жизни свидетельствует множество объективных фактов. Например, остро стоит проблема ответственности медицинских работников за профессиональные преступления или проступки в деле охраны здоровья граждан. В России отсутствуют даже предпосылки к созданию в системе здравоохранения единой структуры, отвечающей за безопасность пациентов [Галюкова 2007: 38]. Еще один ряд фактов – состояние криминальной смертности в России. Преступления против личности составляют угрозу безопасности и воспроизводству российского общества. Смертность от внешних причин в России (ДТП, алкогольные и наркотические отравления, самоубийства, убийства, домашнее насилие над детьми и женщинами) является одной из самых высоких в мире и составляет в среднем по стране 220 умерших на 100 тыс. человек [Ким, Михайличенко 2007]. Основная причина человеческих потерь в России – высочайший уровень повседневного насилия, ин-

¹⁶ Изучению степени реализации конституционных прав гражданина в РФ посвящена вторая глава этой книги.

ституционального (войны, конфликты, ситуация в системах МО, МВД, ФСИН, других государственных силовых структурах), и ментального – словесного, психологического, информационного. Насилие стало «кодом социальности» (Л. Гудков), вызовом для национальной безопасности. Распространенность явления «криминальной воронки» – превышения числа жертв над числом раскрытых преступлений, свидетельствует о латентности значительной части убийств, о том, что реальное число убийств в России выше, чем отражено в статистике. За эти потери и отсутствие правосудия никто ответственности не несет. Что это, как не отсутствие направленности работы правоохранительных органов на защиту жизни граждан? Возникает целый комплекс проблем, связанных не только с системой права и деятельностью правоохранительных органов, но и с целым спектром социокультурных факторов – социальной политикой, ценностными основаниями политической и правовой систем и режима российского государства. О низкой ценности жизни российского гражданина говорят и цифры компенсаций, предусмотренных государственным страхованием в случаях гибели военнослужащих по призыву, служащих в любых силовых структурах. Возможно, такие мизерные цифры выплат [Страхование жизни...] и способствуют сохранению условий, при которых гибель служащих граждан происходит систематически. Существует зависимость ценности жизни и ответственности за нее со стороны государства. Во всех органах и структурах нашего государства, где существует риск для жизни и здоровья людей, отсутствуют и система обеспеченности защиты жизни и здоровья гражданина РФ, и действующие механизмы установления юридической и финансовой ответственности конкретных должностных лиц, министерств (МО, МВД, МЧС и др.) за гибель служащих или утрату ими здоровья.

Но есть и свидетельства ментального порядка. Консервации состояния отсутствия человеческого достоинства как на индивидуальном уровне, так и на уровне общественного самосознания, служат «старо-новые российские мифы», конструируемые пропагандистами нынешней власти. Исследования Левады-Центра касаются распространенных в СМК и массовом сознании мифологем: особой иррациональности культуры и образа жизни в России («умом Россию не понять...»), изоляционизма как принципа конституции национальной идентичности («особого пути России»), состава представления и функций «Запада» в общественном мнении и отношении к Сталину [Мифологизация... 2008]. Выводы этих исследований можно интерпретировать применительно к проблеме признания человеческого достоинства в российском публичном пространстве, общественном самосознании и национальной идентичности.

Какую роль выполняют эти конструкции, как они влияют на общественное и индивидуальное самоощущение, самооценку, самосознание? Искусственные «мифы XX века» призваны замещать, имитировать наиболее фундаментальные коллективные ценности, подсказывать простые схемы интерпретации реальности. Квазимифы проецируют «прошлое на актуальное настоящее» (Л. Гудков), индивидуальные или коллективные страхи на другого или других в целях выражения собственной привлекательности, значимости и ценности [Мифологизация... 2008: 70]. Они редуцируют социальную реальность, в том числе сложные внутри- и внешнеполитические отношения, к примитивному взаимодействию в рамках противопоставления «мы-они», мобилизуя установки на самоизоляцию и враждебность и снимая индивидуальную моральную ответственность за мнения и поведение. Благодаря мифам у россиян формируется не чувство человеческого достоинства, а некий двойственный комплекс неполноценности/превосходства, предписывающий им схему самовосприятия лишь через крайние самооценки – самоуничижения либо гордыни «великодержавности». Квазимифы примиряют несовместимое и противоречивое в целях легитимации насилия государственного и частного. Это поиск достоинства в неадекватных формах. В них изъято актуальное время и действие, которое может быть подвергнуто рациональному осмыслению, – достижение, калькуляция, учет повседневных мнений и интересов возможного социального партнера. Квазимифы делают относительными базовые структуры социального доверия, блокируют дифференциацию общества, институтов, групп, сакрализуют власть в качестве символа коллективного целого, запрещая ее критику и установление ответственности. «Суть этого комплекса в провозглашении особого предназначения и великого будущего России при одновременно полном сознании невозможности его реализации» [Мифологизация... 2008: 72]. При сопоставлении с реальностью этот комплекс порождает «фрустрацию массовой идентичности», которая закрывает возможность осознания самой травмы. Разрыв высокого и низкого, должного и сущего в самоопределениях россиян конкретизируется как нестыковка духовности, связанной с «особой миссией», и лени («недеяния»).

Обеспечивая консолидацию на неадекватных, превращенных основаниях, квазимифы блокируют возможность рационального постижения себя и более сложные способы общественной самоорганизации. Они адаптируют людей к «предлагаемым обстоятельствам», навязывают фатализм, смирение по отношению к авторитарной власти, табуируют выделение альтернативных ей социальных и политических субъектов. «Легенда власти напрямую связана со слабостью подданных» [Мифологизация... 2008:

75]. Так в культуре и самосознании масс «навечно» закрепляется самообраз и роль необходимой жертвы собственной власти, не отделенной от нее. В советской культуре ценность человека измерялась его готовностью к самопожертвованию. В силу инерции имперской культуры комплекс жертвы не только сохраняется, но и препятствует выходу мышления за пределы цикла инверсии оппозиционных отношений «палач – жертва», мешает переходу к поискам субъектности вне отношений насилия и господства. С подачи кремлевских специалистов и СМИ в массовом сознании отсутствует адекватная самооценка, а есть восприятие себя в символическом единстве с властью, через отождествление себя либо с жертвой, либо с палачом в зависимости от ситуации взаимодействия. Отсюда смесь уважения и неуважения к себе в общественном и индивидуальном сознании, чередование периодов самовосхваления и самобичевания, чувство вины, неудовлетворенности собой, и стремление избавиться от него различными средствами (алкоголь, агрессия и т. п.).

Миф о Сталине ориентирует на отказ от самостоятельного действия и предоставление права быть субъектом лишь вождю. Миф об «особом пути» воспроизводит разрыв между идеей движения и идеей достижения, отказ в отсчете времени и пространства. Метафора пути в этом мифе помещает человека в некое состояние «пребывания» (небытия) героя. «Путь» вовлекает героя в движение, но движется не он сам, и неизвестно, откуда и куда, это «как бы» движение – условное, имитирующее, пустое. За неопределенностью вектора пути в мифе прячутся два основных варианта его направления: 1) установка «идти, куда пошлет власть» и разделить с ней «трофеи» и 2) сохранение возможности «уклониться», убежать, «куда глаза глядят», взбунтоваться. В этом – страх перед неудачей, уклонение от конкретности, от действий и ответственности за них, от самостоятельности. Каждый из «мифов» раскрывает (конструирует) одну ипостась национальной идентичности, а их совокупность пунктирно намечает всю ее картину. То, что эта «целостность» не органична – для массового, не критичного сознания скрыто. В этой общей картине высвечиваются и навязываются травмирующие черты национального самосознания и установка на невозможность обретения национального достоинства. Становясь устойчивыми стереотипами восприятия реальности, эти конструкции консервируют черты коллективного бессознательного, используя комплекс неполноценности/превосходства для негативной самоидентификации населения, сохранения и поддержания существующего положения вещей. Амбивалентность «мифов» структурирует национальную идентичность, табуируя рациональное самопонимание и критическое отношение к